Критика и библиография.

Партизанское движение и художественная литература.

В издавшем «Наши дни», в номере 4, помещена большая повесть Вячеслава Шишкова «Ватага». В этой повести Шишков описывает «партизанские движения» в Алтайской губернии.

Партизанское движение, описанное Шишковым, естественно должно быть пышно и кажучки, ибо ничего общего с движением, имеющим место в действительности, оно не имеет. Шишковские партизаны ведут борьбу [illegible] бога и при этом проливают такое безмерное художество по отношению к населению, что принимается советская власть и лишь помощника начальника краснодарского отряда Суслова приговаривает партизана Напрестка «за кровожадную, бессмысленную жестокость проявленную им при взятии города—к расстрелу» (стр. 165).

В повести Шишкова много бога, много блуда, лучи и еще больше крови. [illegible] нет ни слова правды. Это какой-то сплошной кроваво-блудный вздор на сибирских партизан. Шишковские партизаны не только глупо богохульствуют, пьянствуют, грабят, насильничают, не только убивают, а по приказу [illegible] главаря Зыкова буквально истязают своих врагов и притом [illegible] изысканными способами. Так, по приказу Зыкова старику протопопу сначала отрубили руку, а затем живого распилили пополам (стр. 62).

«Герой» повести атаман Зыков так характеризует себя в свое движение: «Влить мои таверы, как скала, и кровавы во имя божие» (стр. 87).

Партизаны Шишкова—это какие-то безнравственные гадисты, жаждущие крови и оспаривающие друг у друга возможность производить самые демонстративные истязания и убийства.

Может быть, повесть и хороша с точки зрения художественной, а в этом мало понимаю и судить не берусь, но думаю, что каждое литературное произведение, особенно, претендующее на революционное движение, только тогда заслуживает названия литературного и художественного факта отвечает жизненной правде.

Какое ложное представление получит юная молодежь о стихийном революционном партизанском движении крестьянства, если ей в качестве такового будут преподноситься художественные фантазии Шишковых.

Такие произведения способны вызвать лишь отвращение к партизанскому движению со стороны читателя, создав [illegible] ложное представление, что партизаны—это [illegible] разбойники, и что самое движение—бесцельная [illegible] [illegible] лишь грабительские стремления. Словом, [illegible] движение—это [illegible] пьяной [illegible] и отбросов крестьянства... И это в то время, когда новосибирство в Сибири партизанское движение имело определенное направление за советскую власть, и руководителями его почти всюду были видные партийные товарищи из среды деревенских ячеек.

Почти в такой же [illegible] художественной литературы о партизанах относится и известный, несколько расплывчатый в свое время, рассказ Всеволода Иванова «Партизаны». В этом произведении точно так же неверно и фальшиво освещены пружины партизанского движения. У читателей рассказа Вс. Иванова создается впечатление, что партизанское движение вообще возникало случайно и не имело под собою никакой политической почвы. По рассказу Вс. Иванова дело обстоит очень просто: пьяные мужики в пьяном угаре убили инициатора, обнаружившего при обыске у будущего главаря движения самогонный аппарат. Убили, испугались и скрылись в лесу. Отсюда и началось партизанское движение...

Между тем, если бы Вс. Иванов хоть немного был знаком с партизанским движением в Сибири, он бы знал, что почти это движение возникло не случайно и что оно имело определенную цель—вести организованную борьбу за советскую власть против белогвардейщины.

Появление таких произведений может быть объяснено только тем, что эти [illegible] художники приступили к изучению истории партизанского движения 1918—20 годов. Быть может, некоторые товарищи [illegible] [illegible] внимания уделили этим авторам, не зная, что пишны они государств и гражданствующества, а это все к чему обязывает.

В. ЯКОВЕНКО.

От редакции. Печатается, как именно одного из виднейших вождей партизанского движения в Сибири.

„Племя молодое.

(«Перевал», № 1).

В последнее время появляется [illegible] [illegible] сборники начинающих молодых авторов—«Молодая Гвардия», «Перевалы» и некоторые другие. И вот еще один—«Перевал», группы молодых поэтов при редакции журнала «Красная Новь».

Основная особенность «Перевала»—высокая не только литературность, но и художественность. Нелитературно сделанной вещи здесь нет ни одной. О всех них можно говорить, как о настоящих образцах художественного слова. В особенности выделяется по своей словесной свежести повесть Владимира Ветрова «Кедровый сук».

ВЛАДИМИР ВЕТРОВ.

Тема его повести не отличается новизной. Восстание сибирских кулаков, раскулачение деревни в период гражданской войны, влияние на нее колчаковщины—эта тема в современной беллетристике уже исчерпана. Указывать на полную идеологическую трактовку, которая бросалась бы в глаза, тоже не приходится. Но чувствуется в каждом словесном жесте, что автором живописуется автором, настроенным глубоко коммунистически.

Кроме того, в его повести нет ни одного тенденциозного, идейно-нарочитого штриха, нет ни одного публицистического слова. Все автор показывает средствами эпического обрамления. А ведь это старая и бесспорная истина: если хочешь произвести художественный эффект, то держись только одной линии и одного плана—линии и плана образного проявления. Образ является лучшим художественным проявителем негатива действительности—правды фактов и правды идеологической. Полнокровный образ никогда не фальшивит и не лжет. Но нужно, чтобы образ был именно полнокровным, не надуманным,—стихийным. Результатом такого стихийного творчества и является повесть В. Ветрова.

Повесть носит живый отпечаток близкости—Сибирь. Но автору удалось не перегнуть палки в сторону этнографии. Автор старался передать внутреннюю сущность, духовный колорит местности. Он сумел передать поэзию первозданных сибирских пространств. Сибирскую деревню автор сумел представить в классовом расслоении и им объяснить неизбежность сгорания кулакодушных. Но и бедноты он не идеализирует: он чувствует ее темноту. Однако, нужная темнота не сплошная и не беспросветная. И среди нужаков зреет настоящая коммунистическая мысль. Таким сознательным коммунистом выведен в повести Василий.

В повести виднеется романический сюжет. Он органически связан с социальным фоном и взрывом пейзажем. Он тут делает занимательность повести и сообщает ей крепкую жизнедеятельность.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ.

Артем Веселый — один из лучших, если не самый лучший изобразитель фронтовой жизни. Его повесть «Реки огненные» написана с морской [illegible] [illegible] совершенно упраздняет в первом появлении ее в печати. В «Перевале» он появляется в компромиссной переделке.

Повесть не подвелась даже приблизительной передаче. Образная ткань сотканная густым узором. Тем не менее она не уплывает, так как ар отвечает искусственности. Наоборот, это морское качание было бы чистой литературщиной или наружно-художественному обилию. От слова Артема Веселого веет упругим дыханием морских ветров, слышится в нем голубой гул пустынных вод и сочный залп океанских орудий.

Вся повесть является непримиримым противопоставлением бесшабашной удали старой матроны, не чуждой бандитизма и пьяного, угарного разгула,—выдержанной и сознательной дисциплинированности флотского комендора. Симпатии автора на стороне последнего.

ОСТАЛЬНЫЕ.

(Н. Карагышина, В. Герасимова, Е. Сергеева).

Н. Карагышина взяла интересную, хотя и не новую, по трудную тему: аристократка Алмазова в голодные годы разрушает во имя маленького сына заключает брак по расчету с рабочим Гвалевым, занимающим ответственные советский пост. Духовно она живет вся в прошлом; Гвалев, хотя и не коммунист, но опален революцией. Между ними—непреодолимая стена. Повесть показывает умение хорошо пользоваться материалом, метко рисовать фигуры, показывает путь к языку.

В. Герасимова («Недоросли розы») дала рисунок артиста Штерна, ушедшего на окраины, в глухой переулок, чтобы не видеть революционное строительства, происходящего в центре, и не участвовать в нем даже вынужденно. Но однажды он отправился в рабочий клуб, сошел там, встретил радушие и доверие. С тех пор его стало тянуть к новому рабочему клубу. Отсюда,—постепенный, но окончательный разрыв со старым эстетическим миром.

В рассказе Е. Сергеевой «Янкаженный пес» использован сюжет о влюбленном пяко-карлике, своеобразно перенесенном в современность.

На остальных авторов подробно не останавливаюсь за недостатком места, а не потому, что их вещи не стоят этого. И повесть Н. Юдина «Бруттель», и повесть Л. Логинова,—Лесника «Город в окраине», все это художественно, интересно и содержательно.

Хороши и стихи в «Перевале». Особо хочу отметить: В. Наседкина («Лени и той, разлив весенний» и «Город, горе»), Павла Дружинина («Деревянное горе»), Н. Кауричева («Песня о дровах»), Александра Макарова («Дочь стрелочника») и, наконец, едва ли не лучшее в сборнике,—Владимира Наседкина — «Творчество».

В. ВЕШНЕВ.

А. В. Богданович—«Три самоубийца». Изд. Л. Д. [illegible], Москва—Ленинград, 1924 г. 503 стр. Цена 4 рубля (!).

Об'ем[illegible] [illegible] Богдановича, которую [illegible] Петербург, охватывает свыше 30 лет—с 1879 по 1912 г. с небольшими перерывами. За эти годы перед [illegible] [illegible] [illegible]